№48 (1073) 07.07—10.07.2005 г.
НОВАЯ ГАЗЕТА

СВИДАНИЕ

Алиса Длинныйчулок

«Если чего-то хочу, прикладываю все усилия, скребу и скребу»

Она играла серьезные драматические роли на той сцене, где ее отец дает рок-концерты. Она носит детские резиновые сапоги и детские шапки с медвежьими ушками, чтобы компенсировать излишек строгого воспитания. Ее голос в диктофонной записи звучит совсем иначе, чем вживую, — это голос взрослой, осторожной и деликатной женщины.

Хотя на вид Алиса Гребенщикова — настоящая Funny Girl, Пеппи Длинныйчулок, в каждую секунду готовая подурачиться и остроумно передразнить кого угодно. Дебютировав в фильме Дмитрия Месхиева «Американка», она не села на скамейку в зале ожидания новых серьезных ролей, а с азартом бросилась в пучину народного кино — телесериалов, справедливо считая работу, а не амбициозное безделье школой жизни. В художественном кино широкий зритель увидел ее только спустя шесть лет в фильме Павла Чухрая «Водитель для Веры».

«Никаких вопросов про Бориса Гребенщикова. Будем говорить про меня», — предупредила Алиса по телефону. Мы встретились в маленькой кофейне на Чистых прудах, хозяйка которого — Алисина знакомая. «Мне полагаются скидки», — подмигнула Алиса и заказала самое недорогое, что было в меню, — густое какао за сорок рублей.

Сергей КУЗНЕЦОВ — «Новая»

— Алиса, вы сыграли массу маленьких ролей в театре и кино. Это что, усмирение гордыни или вам вправду интересна самая крошечная роль?

— Поначалу я не отказывалась ни от чего и в каждой маленькой работе старалась найти что-то интересное. Режиссеры потихоньку разглядывают во мне какое-то «нечто». Так, совсем недавно закончен фильм «Человек в футляре, человек в пальто и человек во фраке», где я сыграла главную женскую роль. Режиссер Элина Суни вообще не смотрит телевизор, сериалы тем более, но случайно в «Ундине» она увидела меня — девочку, которая странно говорила. Дело в том, что я люблю менять порядок слов в порученной мне роли. Вместо «Ах ты, тварь, зачем взяла мои сапоги?» я говорю: «Сапоги мои зачем взяла? А? Тварь?». Мне так удобнее. Смысл не поменялся, но добавилось личностное отношение. Элина подумала: «Интересная девочка!». И написала сценарий фильма, имея в виду меня.

— Почему вы до сих пор не сыграли Пеппи Длинныйчулок? Ваша фактура, внешнее хулиганство на фоне какой-то внутренней грусти — это же чистая Пеппи.

— Я ее и играла — в институте. Я пришла поступать в Петербургскую театральную академию с отрывком из «Евгения Онегина», с отповедью Татьяны и с рассказом Александра Вертинского. Педагоги, отсмеявшись, предложили поменять репертуар, сказали: «Девушка, выучите для следующего тура что-нибудь другое, повеселее — «Руслана и Людмилу» и «Пеппи Длинныйчулок», чтобы без декадентства». Когда стала читать Астрид Линдгрен, то поняла, что Пеппи — далеко не однозначный персонаж, она часто грустит, брошенный, по сути, ребенок. Это я и показала, но от меня хотели веселья. Получив «веселье», педагоги завопили: «О, берем, берем!».

— Вас пригласили в горьковский МХАТ после СПГАТИ, и вы проработали там два сезона. Прежде чем взять, студентов «смотрят». Где вас могла видеть Татьяна Васильевна Доронина?

— Наш педагог по актерскому мастерству училась в Школе-студии МХАТ и воспитала в нас убеждение, что лучше МХАТа на свете нет ничего. И когда мы поехали на фестиваль студенческих спектаклей, я уже твердо решила, что останусь в Москве. У меня была масса эпизодических ролей в дипломном спектакле «Моя прекрасная леди». Член мхатовского худсовета посмотрел его и сказал: «Какая у вас есть хорошая девочка на курсе!». «Вот эта?» — спрашивают педагоги, имея в виду нашу приму. «Нет, та, в эпизоде. Ну очень яркая». И пригласили меня на показ. Педагоги мне об этом не сказали, но судьбе было угодно отправить меня туда. Я встретила на улице своих, которые как раз бежали на этот показ. «Дай костюм, мы бежим к Дорониной». — «Дам, конечно. И с вами пойду!». Отрывка у меня не было, волосы были распущены, а мы уже знали, что в этом театре надо ходить в длинных юбках, ненакрашенными и с собранными волосами. Попросила у однокурсницы для выступления ночную рубашку. Вышла читать рассказы Чехова «После театра» в ночной рубашке, босиком. Члены худсовета меня узнали: «О, это та веселая девочка!». За кулисы ко мне пришла завтруппой и спросила: «Вам есть где жить в Москве?». Я сказала: «Нет». «А вы сможете жить в общежитии?» — «Конечно!». Так я оказалась в Художественном театре и готова была целовать сцену.

Когда я пришла во МХАТ имени Горького, у меня был сразу ввод на взрослую роль Татьяны Алексеевны в спектакле «Весь ваш Антоша Чехонте». Потом мы выпустили спектакль по пьесе «Невесты 42-го года», спектакль назывался «Мои нерожденные сыновья». Пьеса про 12 девушек-зенитчиц и мальчика, которые погибли накануне Сталинградской битвы. Девушки мечтают усыновить мальчика, но ни у кого из них не будет детей, потому что они все погибнут. Спектакль был очень просто сделан, никаких спецэффектов, но пожилые зрители, прошедшие войну, были благодарны нам. Мы репетировали четыре месяца и этот период назвали для себя «Четыре месяца снов о войне». Мы только закончили институт и очень хотели сделать что-то настоящее — много читали, книгу Светланы Алексиевич «У войны неженское лицо» выучили чуть ли не наизусть. Пересмотрели очень много документалистики. Пороху мы не нюхали, но эта работа воспитала нас как людей.

— Каким было ваше детство?

— Прекрасным и счастливым. Главное воспоминание детства — лето на Карельском перешейке. Это сказка, в которую я приезжаю и где я опять маленькая. Мне опять хорошо, и деревья опять большие.

Мне бы очень хотелось, чтобы дети, когда они у меня будут, обязательно получили бы часть воспитания в Санкт-Петербурге. Этот город сформировал меня — своей строгостью, холодностью, торжественностью и величием.

— Родители — важная часть вашей жизни?

— Да, я к ним сейчас опять возвращаюсь. Началось с того, что я стала писать родителям письма — обычные, бумажные. Когда стала жить в Москве, то стала писать и бабушке с дедушкой. Потихоньку на новом уровне наладились отношения с мамой. С папами эта история будет несколько длиннее, потому что оба мои папы достаточно занятые. Мой второй папа — преподающий и практикующий психотерапевт, проректор Института гештальт-терапии в Петербурге. У института есть филиалы в нескольких городах, и он часто ездит по этим филиалам.

— Что вы знаете о маме БГ: «Мама, я не могу больше пить»?

— Людмила Харитоновна, как и все мои родственники, — блокадница. Но в ответ на прямой вопрос о блокаде она рассказывает, как впервые в жизни обратилась к Богу, чтобы он ей послал билетик в театр музыкальной комедии, единственный театр, продолжавший работать во время блокады. И как она этот билетик обнаружила у себя под ногами на Невском.

Не у всех с ней складываются отношения, но, когда с ней разговариваешь, возникает уверенность в том, что она — самый счастливый человек на свете. Она не любит говорить о плохом. Только хорошее. Редко встречающееся качество, особенно у пожилых людей.

Когда я рассказываю о себе, люди часто говорят: у тебя совсем нет головы, ты какие-то странные поступки совершаешь. А это все от моего дедушки по маминой линии. Выйдя на пенсию, дедушка решил по-настоящему заняться языками. Обзавелся учебниками, кассетами, купил подержанный ноутбук, каждый день слушает кассеты и читает книги только на английском. А так как Карельский перешеек недалеко от Финляндии, дедушка подучил и финский и поехал в гости к финским друзьям. Ошибся с остановкой, вышел не в том месте, в кафе ему нашли по справочнику нужных людей, он со всеми объяснился, хотя в финских деревнях не говорят на английском, а обратно возвращался с дальнобойщиками. Мне, говорит, до границы. Там нашел русских лесовозов и приехал домой.

— Сегодняшнее поколение молодых актеров очень востребовано — сразу после вуза вы нужны театру, кино, журналистам. И часто после первой заметной работы ребята «гаснут» на волне успеха, завышенных ожиданий, перехваленности. Вы чувствуете эту опасность для себя?

— Благодаря моим педагогам для меня нет такой опасности. Моя первая заметная работа в кино была в 1998 году у Месхиева в фильме «Американка», а следующая работа в кино была уже в 2004 году в фильме Чухрая «Водитель для Веры». Прошло 6 лет — согласитесь, немало.

В институте меня воспитывали очень строго и четыре года говорили, что я никто. От приобретения комплексов спасло счастливое детство. Мама всегда говорит: «Все, что ты делаешь, хорошо. Ты моя дочь. Попробуй, у тебя получится». Это мне помогло. Плюс я достаточно упрямый человек. Если чего-то хочу, прикладываю все усилия, скребу и скребу.

— Как выглядит, по-вашему, идеально проведенный день?

— Могу описать идеально проведенную неделю. Пять дней я напряженно снималась, очень сильно устала, задних ног нет, но счастлива, потому что напряженно потрудилась. Села в поезд, приехала в Петербург, приехала, подхватила подружку, пересели на электричку, доехали до Карельского перешейка. А там уже ждут. Погуляли, поспали, сели вечером поговорить с мамой и дедушкой. Они легли спать, а мы с подружкой еще ла-ла-ла: «Нет, все-таки идеальный театр, ты понимаешь, в чем дело...». Через два часа споров: «...И ведь пьет! Как напьется — совсем другой человек». — «Да, да, знаю!» — «Но он же такой хороший!». Вроде легли спать. Через два часа: «А соловьи-то как поют. Пойдем послушаем?» — «Пойдем». Утром поспать бы еще, но уже: «Лисунечка, а не пора вставать, мы тут от Гали молочко принесли парное». Ты говоришь: «О, молочко! А оладушки готовы уже?» — «Готовы, стынут». — «Марьяна, вставай, оладушки стынут». Сад зарос, давай полоть. Спина скоро не разгибается. Приходят соседи: «Ой, надо же, внучка приехала». «В Москве все по-другому, конечно. Да, похудела. Ем, ем, конечно...».

Алиса ГРЕБЕНЩИКОВА:
«На сцену МХАТа я пошла босиком»

НЕИЗБЕЖНОЕ

— Когда звонят журналисты, я обговариваю этот вопрос с самого начала. Вы про что хотите написать? «Отцы и дети»? Знаете, очень занята. «Взрослая дочь молодого человека»? К сожалению, буду в другом городе.

— Много ли песен БГ вы знаете?

— Не знаю наизусть ни одной. Вообще не могу себя назвать большой поклонницей группы «Аквариум». Я такая фальшивая поклонница. Потому что иногда мне очень нравится то, что делает Борис Гребенщиков. Тогда мне кажется, что лучше этой музыки нет ничего на свете. Когда ложится на настроение, слушаю и думаю: «Как хорошо сказал! Как вот ему это пришло: «Небо на цепи у ней, да порваны звенья». А в другой день послушаю: что за абсурд! Почему все говорят: гений?

● Беседовала
Екатерина ВАСЕНИНА